

SEMIOTICS AND INFORMATICS

issue 35

СЕМИОТИКА И ИНФОРМАТИКА

выпуск 35

ОТ РЕДАКЦИИ

«Семиотика и информатика» — издание с большой традицией и историей. Этот сборник всегда был «элитным» изданием — малотиражным, но хорошо известным в Москве и за ее пределами, и не только среди лингвистов и математиков, которые были основными его авторами. Старые его номера давно стали библиографической редкостью. В настоящем выпуске мы предоставляем нашим читателям возможность совершить экскурсию по давним, причем лингвистическим, страницам «Семиотики и информатики» (до 28 выпуска включительно), перелистать давно опубликованные, но не утратившие актуальности и сегодня статьи, поразмышлять о них снова.

Российская Академия наук Министерство науки и технической
политики Российской Федерации
**ВСЕРОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ
И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ**

СЕМИОТИКА И ИНФОРМАТИКА

Opera selecta

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск 35

SEMIOTICS and INFORMATICS

Issue 35

Издается с 1971 г.

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

«РУССКИЕ СЛОВАРИ»

Москва 1997

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04-16343

Редакция благодарит за финансовую поддержку
фирму CEBM INC

Семиотика и информатика, вып. 35

Очередной, 35 выпуск периодического сборника «Семиотика и информатика» необычен. В него входят избранные лингвистические статьи, опубликованные в номерах «Семиотики» прошлых лет (с 1 по 28 выпуск включительно) и прочно вошедшие в научный оборот, но ставшие библиографической редкостью.

Главный редактор — проф. д.ф.-м.н. В. А. Успенский

Ответственный секретарь — к.ф.н. Е. В. Рахилина

Редколлегия: д.ф.н. И. М. Богуславский, д.ф.-м.н. В. Б. Борщев, проф. д.ф.н. Р. С. Гиляревский, к.т.н. М. И. Забежайло, Лена Зильберквит, Т. Н. Лаппалайнен, д.ф.н. Е. В. Падучева, проф. д.т.н. Д. А. Поспелов, к.ф.-м.н. Д. П. Скворцов, проф. д.т.н. В. К. Финн, проф. д.ф.-м.н. Г. С. Цейтин

Editor-in-chief — Prof. Dr. Vladimir A. Uspensky

Associate editor — Dr. Ekaterina V. Rakhilina

Editorial board — Dr. Igor M. Boguslawski, Dr. Vladimir B. Borshchev, Prof. Dr. Rugero S. Giliarevsky, Dr. Mikhail I. Zabeyaylo, Lena Zilberquit, Tatiana N. Lappalainen, Dr. Elena V. Paducheva, Prof. Dr. Dmitry A. Pospelov, Dr. Dmitry P. Skvortsov, Prof. Dr. Viktor K. Finn, Prof. Dr. Grigory S. Tseytin

В подготовке выпуска принимали участие:

Л. Крейдлин, Д. Кузнецов, М. Минина, А. Рябчиков, К. Гилярова,
А. Шипунова, В. Гусев

ISSN 0135—8537

© Semiotics and Informatics, 1997

© «Русские словари», оригинал-
макет, 1997

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

I

<i>А. А. Зализняк, Е. В. Падучева.</i> О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных (1974).....	7
<i>И. А. Мельчук.</i> Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) (1975)	15
<i>А. А. Зализняк, Е. В. Падучева.</i> К типологии относительноного предложения (1975).....	59
<i>Г. Е. Крейдлин.</i> Лексема ДАЖЕ (1975)	108
<i>В. И. Гавrilова.</i> Особенности семантики, синтаксиса и морфологии глаголов присоединения (1975)	121
<i>Н. В. Перцов.</i> О синтаксической конструкции как о грамматическом средстве языка (1978)	140
<i>В. А. Успенский.</i> О вещных коннотациях абстрактных существительных (1979)	146
<i>А. В. Гладкий.</i> О значении союза ЕСЛИ (1982)	153
<i>Е. В. Падучева.</i> Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла (1982)	184
<i>М. А. Кронгауз.</i> Тип референции именных групп с местоимениями ВСЕ, ВСЯКИЙ, КАЖДЫЙ (1984).....	227
<i>С. А. Крылов.</i> Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы (1984)	244
<i>Ю. Д. Апресян.</i> Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира (1986)	272
<i>Л. П. Крысин.</i> Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц (1986)	299

II

<i>И. Ньютон.</i> Об универсальном языке.....	319
<i>Г. Фреге.</i> Смысл и денотат	351
<i>Г. Фреге.</i> Понятие и вещь	380

CONTENTS

I

A. A. Zalizniak, E. V. Paducheva.	On contextual synonymity of singular and plural forms of nouns (1974).....	7
I. A. Mel'čuk.	Towards a system of formal notions for morphology (1975)	15
A. A. Zalizniak, E. V. Paducheva.	Towards a typology of relative clause (1975).....	59
G. E. Kreidlin.	The lexeme DAZHE (1975)	108
V. I. Gavrilova.	Verbs of «joining»: semantic, syntactic and morphological properties (1975)	121
N. V. Pertsov.	Syntactic construction as a grammatical means (1978)	140
V. A. Uspensky.	On material connotations of abstract nouns (1979)	146
A. V. Gladky.	The meaning of the conjunction ESLI (1982)	153
E. V. Paducheva.	Linguistic communication in Lewis Carroll's tales (1982)	184
M. A. Kronhaus.	Reference type of NPs including pronouns VSE, VSJAKIJ, KAZHDYJ (1984)	227
S. A. Krylov.	Determination and the Russian nouns: theoretical issues (1984)	244
Ju. D. Apresyan.	Deixis in the lexicon and grammar and the folk model of the world (1986)	272
L. P. Krysin.	Social constraints in semantics and combinability of linguistic units (1986).....	299

II

I. Newton.	On an Universall Language	319
G. Frege.	Sense and reference.....	351
G. Frege.	Concept and thing	380

I

А. А. Зализняк, Е. В. Падучева

О КОНТЕКСТНОЙ СИНОНИМИИ ЕДИНСТВЕННОГО И МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В грамматиках (например, в работе [1]) обычно утверждается, что категория числа существительного создается противопоставлением словоформ со значением единичности — т. е. словоформ, в значение которых входит сведение о том, что имеется в виду один предмет некоторого рода, — и словоформ со значением раздельной множественности — т. е. словоформ, в значение которых входит сведение о том, что имеется в виду (а) более чем один предмет некоторого рода (но не указано, сколько); (б) предметы мыслятся расчлененно, а не как образующие в своей совокупности новый предмет (ср. *студенты* — *студенчество*, *тряпки* — *тряпье*).

Известно, однако, что в определенных контекстах существительное в ед. числе не имеет значения единичности; ср. предложение

(1) *Пожилой человек легко простужается*,
в котором словоформа *человек* не обозначает единичного человека и которое поэтому синонимично предложению

(1') *Пожилые люди легко простужаются*,
где слово *человек* употреблено во мн. числе. Рассмотрение примеров такого рода заставило некоторых лингвистов трактовать противопоставление ед. и мн. числа как привативную оппозицию, а именно, считать, что словоформы ед. числа характеризуются не тем, что в них имеется значение единичности, а тем,

что в них «отсутствует указание на какое-либо количество» [2, с. 89].

Такое описание не принимает, однако, во внимание, например, то обстоятельство, что и словоформы мн. числа могут употребляться как не содержащие информации «более, чем один»; ср. примеры из работ [3] и [4]:

(2) *В вагоне у нас новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом;*

(3) *Не дави живых людей — я еще не умерла.*

Хорошо известны и другие примеры контекстов, в которых ед. число не имеет значения единичности, а множественное — множественности. Одним из них является сочетание с числительными. Во многих языках мира, например, тюркских или угро-финских, существительные в таких сочетаниях всегда стоят в ед. числе. В русском языке ситуация сложнее, ср. *два стола — пять столов* и *два стола — два часовых*. Такое соотношение можно описать либо как употребление ед. и мн. чисел, не соответствующее основному смыслу числового противопоставления, либо как наличие у русского существительного особой «счетной формы» [5], в которой противопоставление по числу отсутствует. На этом фоне даже ситуацию в языках типа латыни, где употребление чисел при числительных представляется прямо соответствующим смыслу (*ipius homo — duo, quinque homines*), естественно рассматривать лишь как частный случай автоматического выбора числа.

Другим примеромнейтрализации числового противопоставления является употребление ед. числа в так называемом дистрибутивном значении [6] ‘для каждого свой (своя, свое)’, как употреблено слово *нос* в примере

(4) *Советники надели на нос очки;*

ср. изменение числа при переводе этого предложения на другой язык:

(5) *The counselors put the spectacles on their noses.*

Тем самым для категории числа имеет место та же трудность, которая хорошо известна, например, по отношению к категории падежа, — трудность выявления такого значения каждой из категориальных форм числа, которое отражало бы все контексты ее употребления. Представляется вполне плодотворным, следуя принципу, сформулированному Е. Куриловичем [7], при описании значения словоформ ед. и мн. числа ориентироваться только на ограниченный круг исходных, первичных контекстов их употребления, а значения, возникающие в неисход-

ных, специальных контекстах — например, представленных примерами (1)-(5), — описывать отдельно¹. Аналогичным образом, значение форм ед. и мн. числа у так называемых неисчисляемых существительных типа *сахар*, *смелость* должно рассматриваться во вторую очередь, как возникающее в своего рода специальном контексте.

При анализе контекстов употребления словоформ ед. и мн. числа полезно рассматривать естественный язык в его соотношении с языками математической логики. В математической логике выражения, называющие предметы, делятся на имена (константы), которые обозначают конкретные предметы, и переменные, которые не обозначают никаких конкретных предметов («конкретные» понимаются не в противоположность абстрактным, а как синоним для слов «фиксированный», «выделенный», «определенный» и т. д.); при этом предложения с переменными имеют законченный смысл (т. е. выражают суждение) только в том случае, если переменная связана квантором — существования или всеобщности. Возникает, таким образом, естественное деление употреблений существительных на три группы: 1) употребления, при которых существительное обозначает конкретный объект; 2) употребления, при которых существительное соответствует переменной под квантором существования; 3) употребления, при которых существительное соответствует переменной под квантором всеобщности.

Противопоставление по числу является полноценным только для употреблений первой группы, и то не всегда, так как надо исключить, например, контекст с числительным и контекст, где ед. число имеет дистрибутивное значение. В употреблениях второй группы противопоставление ‘один — более чем один’ часто бывает, по естественным семантическим причинам, несущественным; действительно, если речь идет только о существовании, т. е. только о введении в рассмотрение некоторого рода предметов, то часто нет необходимости указывать их число (ср. [9]). Именно это обстоятельство приводит к употреблениям, представленным примером (3). Заметим, что в этих контекстах грамматичность категории числа в европейских языках часто становится обузой, вызывающей вполне ощутимые трудности

¹ Что касается поисков инвариантного значения грамматического противопоставления (см. Р. О. Якобсон [8]), то к ним естественно переходит только после того, как проведено исследование вариантов значения, возникающих в каждом контексте.

выражения, ср. пример О. Есперсена [10]: *The property was left to her child or children* ‘Имущество было оставлено ее ребенку или детям’. Ср. также распространенное в языке математики употребление слов *существует, имеется* (выражающих квантор существования) в значении ‘существует по крайней мере один’; например, в предложении *У всякого ромба существует ось симметрии* ед. число существительного *ось* не означает, что имеется в виду ‘существует только одна ось’.

Наконец, в употреблениях третьей группы, т. е. в контексте всеобщности, ед. и мн. число существительных синонимичны, и для выражения какого-то смысла либо могут с одинаковым успехом употребляться оба числа, либо, как будет показано в дальнейшем, выбор какого-то одного числа обусловлен побочными соображениями, не связанными с основным значением числового противопоставления.

Примеры синонимических пар предложений, возникающих при замене ед. числа на множественное в контексте всеобщности (т. е. пар типа (1)-(1')), фигурируют во всех грамматиках. Тем не менее, точное описание условий, при которых эта замена возможна, отсутствует. Ниже мы рассмотрим некоторые аспекты этой проблемы, а именно проанализируем ряд примеров, в которых замена единственного числа на множественное либо невозможна, либо требует сопутствующих изменений других элементов предложения. При этом мы ограничимся лишь предложениями, в которых всеобщность выражена эксплицитным образом (т. е. словами *всякий, никакой, каждый, любой*), а не имплицитно, как в предложении (1).

Перевод существительного во мн. число требует перевода во мн. число связанного с ним кванторного прилагательного. Интересный факт, причем касающийся не только русского языка, состоит в том, что почти все кванторные прилагательные имеют форму только одного числа, ср. работу [5], что отражает, видимо, их семантическую близость с числительными. Этот факт отчетливо выявляется, однако, лишь в том случае, если принять предложенную в работе [5] трактовку *pluralia tantum* как существительных, у которых ед. число не отсутствует, как считается обычно, а омонимично множественному, ср. *один дом : многие дома = одни сани : многие сани*; с точки зрения соглашения с прилагательными *pluralia tantum* составляют, в таком случае, четвертый род, отличный от трех традиционных родов. Кроме того, для дальнейшего будет существенно, что с *pluralia tantum*, а точнее, с их ед. числом, семантически сходны сочетания

ния существительного с числительным — *пять минут, три точки* и т. д.: в обоих случаях называется некоторое единство, образованное двумя или более предметами, ср. *очки, бусы*, а также «нестойкие» pluralia tantum типа *сапоги, руки* в значении ‘пара сапог’, ‘обе руки’ и т. д.

Рассмотрим теперь последовательно интересующие нас кванторные прилагательные *всякий, никакой, каждый, любой, все*². Для слова *всякий* в рассматриваемом кванторном значении нельзя считать мн. числом *всякие* (имеющее значение ‘всякого качества, подразумевается — в том числе плохого’, например: *Люди попадаются всякие*). Словоформа *всякие* от кванторного значения слова *всякий* употребляется только при существительных pluralia tantum и при сочетаниях существительного с числительным:

(6) *Бритва была бы здесь полезнее всяких ножниц;*

(7) *Всякие два разумных человека могут понять друг друга.*

Из сравнения (6) и (6') *Бритва была бы здесь полезнее всякого ножа* можно заключить, что словоформа *всяких* в (6) должна рассматриваться как словоформа ед. числа четвертого рода. Интерпретация же формы слова *всякие* в примере (7) зависит от того, как понимается его согласование. Предположение о том, что *всякий* согласуется с *человек*, наталкивается на большую трудность, состоящую в том, что слово *разумных*, которое можно было бы считать согласованным с существительным *человек*, стоит явно в другой форме. Естественнее предположить, что *всякие* согласуется не с существительным, а с сочетанием существительного с числительным (ср. согласование типа *дорогие папа и мама*). Тогда, учитывая сказанное выше о сходстве между сочетаниями существительного с числительным и pluralia tantum, *всякие* в (7) можно считать словоформой ед. числа четвертого рода. Таким образом, можно считать, что правило об отсутствии мн. числа у кванторного *всякий* не имеет исключений.

² Слова *всякий, каждый* и *любой* не являются, вообще говоря, полными синонимами, но семантических различий между ними мы здесь затрагивать не будем. Что же касается слова *никакой*, то оно находится в некотором регулярном соотношении со *всякий* — своего рода позиционным вариантом, который с большей или меньшей обязательностью замещает слово *всякий* в контексте отрицательного сказуемого, ср.: **Всякий пионер не боится волков* ⇒ *Никакой пионер не боится волков*; **Всякий человек не обязан подчиняться* ⇒ *Никакой человек не обязан подчиняться*.

Слова *каждый* и *любой* устроены совершенно так же, как и *всякий*. Словоформы *каждые*, *любые* также не являются формами подлинного мн. числа, т. е. употребляются (в значении, соотносимом со значением ед. числа) только в контекстах типа *каждые сутки*, *любые сани* или *каждые две недели*, *любые два человека*; ср.: *Он пьет каждый день* — **Он пьет каждые дни*; *Любой человек на это согласится* — **Любые люди на это согласятся*.

С другой стороны, слово *все* имеет только форму мн. числа. В словарях слово *все* обычно интерпретируется как форма мн. числа от слова *весь*; однако в действительности значение слова *весь* — ‘целиком’ — при переводе определяемого существительного во мн. число не сохраняется: *Я помню весь рассказ* = *Я помню один имеющийся в виду рассказ целиком*; *Я помню все рассказы* = *Я помню каждый из имеющихся в виду рассказов* (= *Я помню каждый из имеющихся в виду рассказов целиком*). Иначе говоря, *все* не имеет значения ‘целиком каждый предмет, о множестве предметов’. Опять-таки, утверждению об отсутствии мн. числа у *весь* не противоречат употребления типа *Извел все чернила*; *Все руки исцарапаны*; *Просидел дома все пять дней*: во всех этих случаях *все* можно рассматривать как словоформу ед. числа четвертого рода.

Семантически *все* может интерпретироваться как слово, восполняющее отсутствующую форму мн. числа от слов *всякий*, *каждый*, *любой*³. Таким образом, первое из изменений, которые происходят при замене единственного числа на множественное — это замена кванторных слов *всякий*, *каждый*, *любой* на *все*. Единственное из рассматриваемых кванторных слов, которое устроено морфологически как обычное прилагательное (т. е. имеет наряду с единственным числом также подлинное множественное), — это слово *никакой*, ср. *никакая точка*, *никакие точки* (наряду с *никакие две точки*).

Перейдем теперь к другим изменениям в предложении, которыми может сопровождаться замена единственного числа на множественное. Рассмотрим следующий пример:

³ Семантически *все* ближе всего к *всякий*. Заметим, что и с точки зрения морфемной структуры соотношение в паре *все* — *всякий* не является уникальным для русского языка; ср. *все* : *всякий* = *два* : *двойкий* = *три* : *тройкий*; *предметы всех родов* : *предметы двух родов* = *предметы всякого рода* : *предметы двоякого рода*.

(8) Каждый пионер посадил дерево — (8') Все пионеры посадили по дереву — (8'') Все пионеры посадили дерево.

Предложение (8) отличается от предложения (8'') тем, что в (8) существительное в ед. числе имеет дистрибутивное значение: *дерево* — имеется в виду ‘для каждого пионера свое дерево’. Сохранение этого значения может обеспечиваться введением предлога *по*, связанного со словом *дерево*; однако такое преобразование возможно лишь для существительного (и то не для всякого), которое является подлежащим или прямым дополнением; ср. невозможность этого преобразования ниже в примере (11).

Вместо сохранения ед. числа в дистрибутивном значении при переводе основного существительного во мн. число возможна замена дистрибутивного ед. числа множественным:

(9) Каждый мальчик подошел к своему отцу = (9') Все мальчики подошли к своим отцам.

Предложение (9') *Все мальчики подошли к своему отцу* не синонимично (9) и (9'), так как понимается, скорее всего, ‘к своему общему отцу’. Однако замена дистрибутивного единственного числа на множественное возможна не во всех контекстах; ср.

(10) Каждый был снисходителен к своему фавориту ≠

(10') Все были снисходительны к своим фаворитам,
так как (10') допускает понимание, при котором у каждого был более чем один фаворит, а в (10) фаворит заведомо только один⁴.

Рассмотрим теперь некоторые предложения, в которых замена ед. числа на множественное невозможна:

(11) Каждый студент сделал в работе некоторую ошибку ≠

(11') Все студенты сделали в работе некоторую ошибку,
так как в (11) имеется в виду ‘каждый свою’, а в (11') — ‘общую’, а ни одно из описанных преобразований здесь неприменимо. Если слово *некоторый* заменить на *какой-нибудь*, которое в данном контексте ему синонимично, то перевод во мн. число становится возможным:

(12) Каждый студент сделал в работе какую-нибудь ошибку =

⁴ Заметим, что помимо семантических соображений (отец, вообще говоря, один, а число фаворитов не ограничено), возможность замены дистрибутивного единственного числа на множественное может определяться также какими-то чисто формальными соображениями, специфичными для каждого языка, ср. примеры (4) и (5).

(12') Все студенты сделали в работе какую-нибудь ошибку.

Более сложным для анализа является следующий пример:

(13) В эту клетку можно поместить любое животное ≠

(13') В эту клетку можно поместить всех животных.

Здесь подразумевается не только слово со значением ‘для каждого свой’, как в (8), но и существительное (со значением ‘время, момент времени’), с которым оно связано: в (13) имеется в виду, что животное можно поместить в клетку в какой-то момент времени, для каждого животного свой, а предложение (13') понимается без распределения во времени, что и создает несинонимичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика русского языка. Т. 1, М., 1960.
2. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
3. Морфология и синтаксис современного русского языка. М., 1968.
4. Ревзин И. И. Так называемое «немаркированное» множественное число в русском языке // Вопросы языкознания, 1969, № 3.
5. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
6. Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947.
7. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
8. Jakobson R. O. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutung der russischen Kasus // TCLP, 6, 1936.
9. Падучева Е. В. Два подхода к семантическому анализу категории числа // To honor Roman Jakobson. The Hague—Paris, 1968.
10. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Впервые опубликовано в: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, № 4, 1974 г., с. 30-35.

И. А. Мельчук

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ФРАГМЕНТА СИСТЕМЫ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ ДЛЯ МОРФОЛОГИИ (к формализации языка лингвистики)

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время является, по-видимому, общепризнанным следующее положение:

Подлинный прогресс современной лингвистики невозможен без существенного уточнения ее формально-логического аппарата, т. е. без должной формализации ее научного языка.

Напомним, что требование построения единого формального языка для лингвистики было отчетливо сформулировано, в частности, Э. Хаугеном (США) еще в 1950 г. (см. [1]) и Вяч. В. Ивановым (СССР) — в его известном выступлении 1961 года [2]. С тех пор это требование, поддержанное и многими другими исследователями, неоднократно обсуждалось на страницах лингвистических публикаций (ср., в частности, [37]).

Говоря о языке лингвистики, прежде всего следует иметь в виду, что этот язык неоднороден. В действительности словосочетанием «язык лингвистики» обычно обозначают совокупность ряда искусственных языков, которые для целей рассмотрения удобно разбить, по крайней мере, на четыре класса:

И. Языки для записи представлений «естественнозыковых выражений» (т. е. выражений языка-объекта) на различных уровнях. Примерами таких языков могут служить: семантический язык — искусственный язык для записи смыслового содержания, или смысла, различных выражений естествен-